

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВОЙ КЛАД X в. ИЗ с. КОРОБКИНО КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2024 г. В.В. Енуков

Курский государственный университет, Курск, Россия
E-mail: vyenukov@gmail.com

Поступила в редакцию 08.08.2023 г.

После доработки 18.10.2023 г.

Принята к публикации 16.01.2024 г.

В 1915 г. близ с. Коробкино Курской губернии был найден клад из семи серебряных браслетов и солида 923–924 гг. Статья посвящена определению его места в историко-культурном контексте как региона, так и Восточной Европы в целом. Установлена нехарактерность этих украшений для роменских древностей, что проявляется в браслетах с завязанными концами, а также использовании многогранного дрота. Золотые монеты обнаружены, главным образом, на территории Руси. Солид из Коробкино — единственная находка в обширном ареале роменской археологической культуры, что подчеркивает специфику комплекса. Предложена датировка клада в пределах второй–третьей четвертей X в. В целом его состав демонстрирует синтез северных (Скандинавия) и южных (Византия) контактов населения формирующейся древнерусской культуры. Владелец клада имел отношение к дружинному слою общества. Иные следы столь отчетливого, сконцентрированного в одном комплексе “русского присутствия” в Северской земле пока неизвестны.

Ключевые слова: Русь, северяне, роменская культура, древнерусская культура, браслеты, солид.

DOI: 10.31857/S0869606324020052, **EDN:** WORNOM

В 1915 г. близ с. Коробкино Львовского уезда Курской губернии (ныне Курская обл., Коньшевский р-н), на “надельной земле” крестьянина Дорофея Дроздова при вспашке был найден клад, переданный в 1917 г. Археологической комиссией в Эрмитаж (Археологическая комиссия, 1915). В ее “Отчете” имеется краткое описание комплекса и слабо читаемая иллюстрация (Отчет..., 1918. С. 196, 255. Рис. 251). Цель настоящей работы — определение места клада в историко-культурном контексте как региона, так и Восточной Европы в целом.

В состав рассматриваемого клада входили следующие предметы¹.

Браслет 1 (рис. 1, 1), витой из двух проволок, утончающихся по направлению к краям

и перевитых вместе со сканной нитью из двух перекрученных тонких проволонок. Концы браслета прокованы и обвязаны друг вокруг друга.

Браслет 2 (рис. 1, 2, 2а, 2б) изготовлен из четырехгранного, ребром внутрь, дрота. По двум внешним граням проходят неглубокие ложбинки, по которым нанесен пуансонный орнамент из “колечек” в две линии, за которые, однако, выходят отдельные элементы. Эти две грани имели позолоту (Отчет..., 1918. С. 196), которая не сохранилась. Крайние участки дрота были раскованы для утончения, обвязаны друг вокруг друга и еще раз слегка прокованы.

Браслеты 3 и 7 (рис. 1, 3, 7) выполнены из 8-гранного дрота, концы обрубленные. У браслета 3 дрот имеет одинаковую толщину, у браслета 7 концы слегка заужены. Браслеты 4–6 (рис. 1, 4–6) выполнены из 4-гранного, ребром внутрь, дрота. Концы также обрублены, у последнего — заужены.

¹ Украшения клада хранятся: Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, опись 1001/1–7. Все браслеты выполнены из серебра. Их номера в тексте и на рис. 1 совпадают с нумерацией описи.

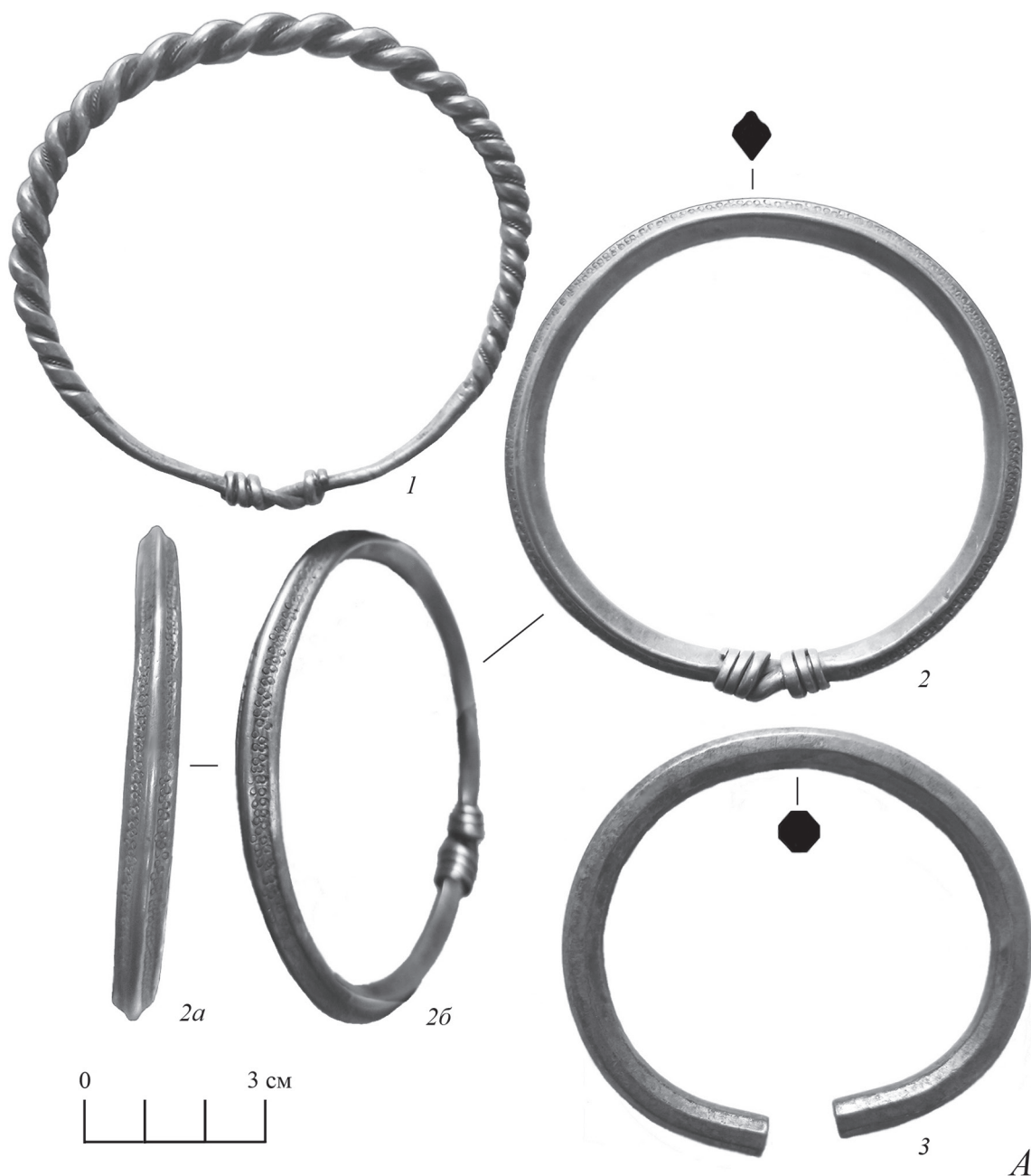
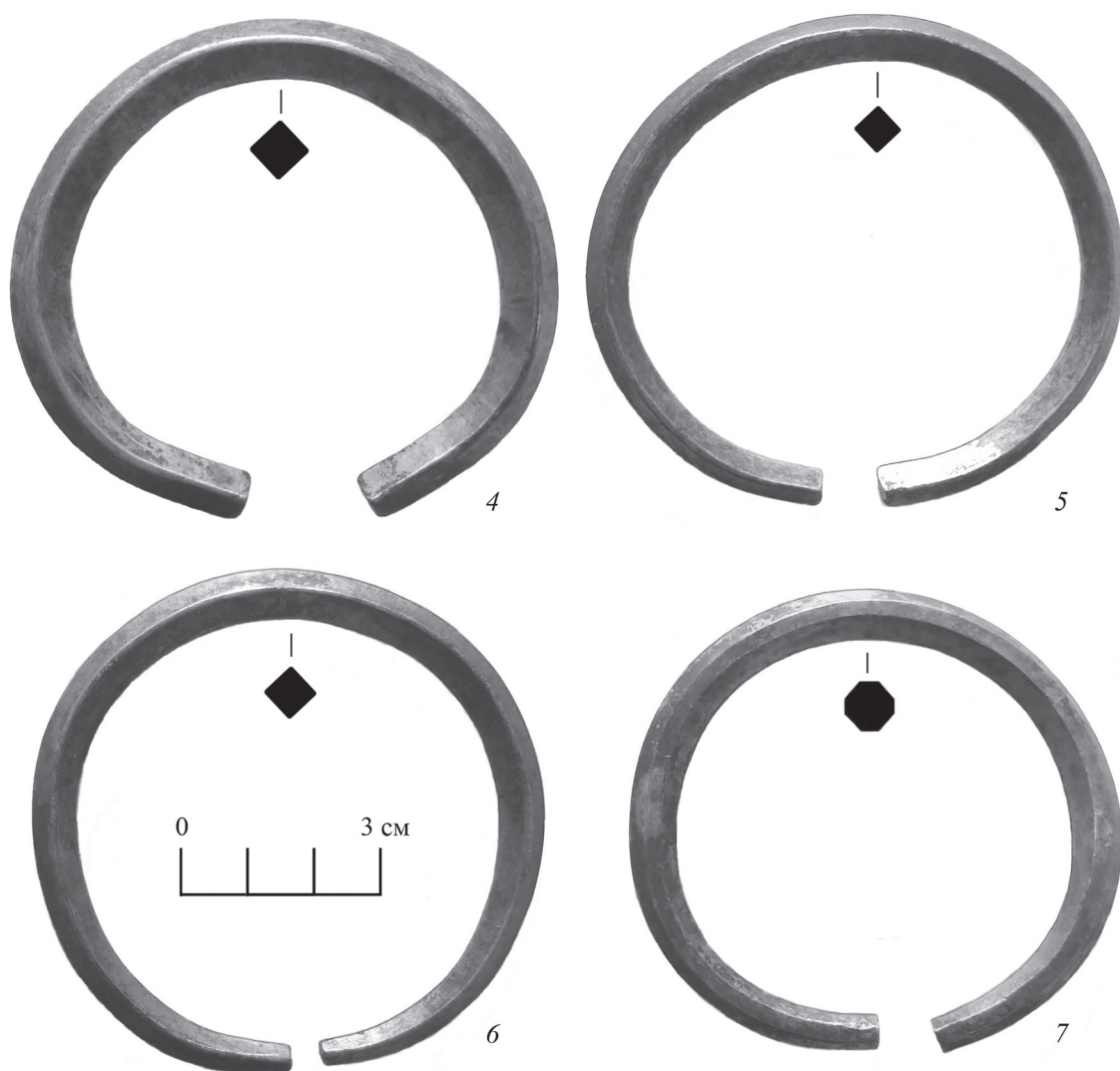

Рис. 1. Коробкино. Браслеты (А, Б). 1, 3, 4–7 – серебро; 2 – серебро с позолотой. Фото автора.

Fig. 1. Korobkino. Bracelets (A, B). Photo by the author

Византийская золотая монета – солид, обреза по нижнему краю (рис. 2, 1). В “Отчете...” приводится следующее его династийное определение: “имп. Романа I, Константина X и Христофора (920–944)” (Отчет..., 1918. С. 196). Позднее Г.Ф. Корзухина исправила явную ошибку: Роман I, Константин VII и Христофор с датировкой 921–944 гг. (Корзухина, 1954. С. 86. № 20).

Ввиду условности определения места находки его археологическую характеристику можно дать только в общем виде. В с. Коробкино на останце высотой 5–6 м на правом берегу р. Сейм находится сильно поврежденное окопами небольшое (100 × 35–55 м) городище с несохранившимися укреплениями и примыкающим селищем (125 × 80–150 м), которые имеют напластования роменской археологической и

Б

древнерусской культур (Археологическая карта России, 1998. С. 216). Комплекс расположен в центре региона роменского ареала с самой высокой концентрацией памятников (более 300), который занимает междуречье Сейма и Псла и соотносится с известным по летописям “Посемьем”, представлявшим собой фракцию Северской земли (Енуков, 2005. С. 51–56. Карта).

Большую часть комплекса (5 из 7) составляют браслеты из граненного дрота с обрубленными ровными или зауженными концами. Такие украшения с 4-гранной основой, обычно — из серебра, известны вкладах IX–XI вв. В комплексе из Угодичей (Ярославская обл.) с младшей монетой 812/813 г. присутствовал браслет с утончающимися концами (Отчет..., 1918.

С. 190, 270; Фасмер, 1927. С. 19–57; Корзухина, 1954. С. 82. № 9. Табл. II, 2). В клад из Копиевки (Украина, Киевская обл.) с позднейшей монетой 955/956 г. входило два таких украшения, одно из которых имело ровные завершения, второе — небольшие расширения, при этом комплекс дополнялись двумя “слегка гранеными” дотовыми браслетами (Лінка-Геппенер, 1948. С. 184. Табл. III, 1, 2, 4, 5; Корзухина, 1954. С. 84). В кладе из Звеничева (Украина, Черниговская обл.) с младшей монетой 951/952 г. было четыре браслета, у двух из которых концы слабо сужались (Коваленко и др., 1992. С. 66. Рис. 6). Золотой 4-гранный браслет с зауженными концами известен в Полоцком кладе второй–третьей четвертей X в. (Мілюцін, 1993. С. 511; Еремеев, 2015. С. 108–116. Рис. 75; Кежа, 2018.

Рис. 2. Солиды. 1 — Коробкино; 2 — Британский музей (по: Wroth, 1908); 3 — Думбартон Оукс (по: Grierson, 1982, 1993).

Fig. 2. Solids. 2 — after Wroth, 1908; 3 — after Grierson, 1982, 1993

С. 292–295. Рис. 1, 1). Практически идентичное браслету 5 из Коробкино серебряное украшение происходит из богатого, “варяжского” облика, погребения 1 “Большого двойного кургана” из Плиснеска (Украина, Львовская обл., д. Подгородцы) конца X — начала XI в. (Ливох, 2010. Рис. 2, 9). В кладе из Большой Хайчи (далее Б. Хайчи) браслет с незначительно сужающимися концами был выполнен из 3-гранного дрота (Корзухина, 1954. С. 91. Табл. XII, 1).

Браслеты типа Коробкино 3–7 не относятся к числу распространенных в Восточной Европе², причем в роменском ареале они вообще более нигде не известны. В роменских древностях выделяется представительная серия браслетов с обрубленными концами, однако основа дрота зачастую круглая, концы утолщаются и только в отдельных случаях имеют огранку. Шесть таких изделий входило в состав Железницкого клада³ с позднейшей монетой 877/878 г. (Корзу-

хина, 1954. С. 81, 82. № 8), восемь — Полтавского (Макаренко, 1908. С. 203–206. Табл. I; Рыбаков, 1953. Рис. 14; Корзухина, 1954. С. 79. № 1), по два зафиксировано в денежно-вещевых комплексах из Хорошева середины X в. (Гоглов и др., 2023. С. 15. Рис. 1, 2), Воробьевки 2-й (рис. 3, 4) с младшей монетой 975/976 г. (Гребенникова, Шпилев, 2009. Рис. 2, 1, 3) и клада Курск–Курчатова с позднейшими дирхемами 970-х годов (Стародубцев, Лебедев, 2015. Рис. 1, 4, 5). Еще два таких изделия происходят из “княжеского” жилища 1 Большого Горнальского городища (рис. 3, 1, 2) (Куза, 1981. Рис. 5, 1, 2). В целом находки на поселениях таких украшений редки. Помимо Горнали к их числу относятся один экземпляр из бронзы с Донецкого городища (Сухобоков, 1975. Рис. 54, 5) и обломок браслета из того же материала с позднероменского поселения Тазово 5 (Григорьев, 2000. Рис. 18, 3) (рис. 3, 3). Наконец, два серебряных браслета обнаружены в одном из самых ранних древнерусских курганов у д. Липино Курской обл., где ингумацию в яме окружала кольцевидная деревянная оградка, что отражает пережитки роменской обрядности (Енуков, 2008. Рис. 4, 12, 13) (рис. 3, 5).

² Автору не удалось найти аналогии коробкинским 8-гранным браслетам, что только подчеркивает высказанную мысль.

³ Г.Ф. Корзухина отмечала их круглое сечение (Корзухина, 1954. С. 81), однако, Т.И. Макарова упоминает два изделия из “подквадратного” дрота (Макарова, 2005. С. 126. Рис. 1). В любом случае они отличаются от украшений из Коробкино, у которых отсутствовали расширяющиеся концы и были четко проработанные грани.

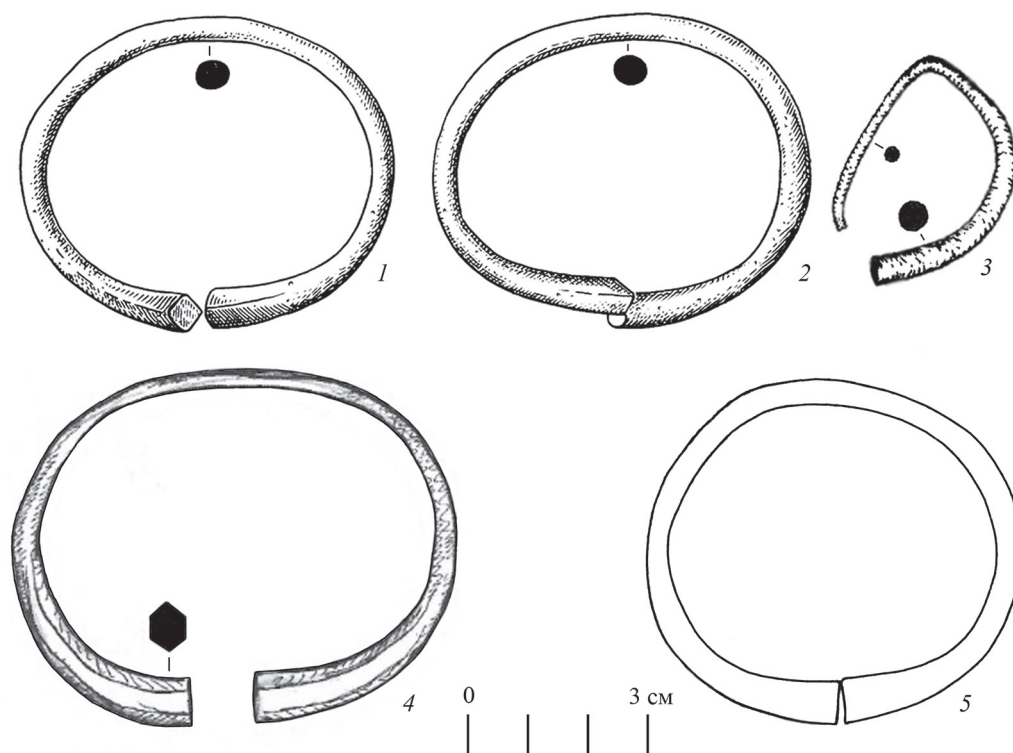

Рис. 3. Дротовые браслеты с обрубленными расширяющимися концами. 1, 2 – Большое Горнальское городище (по: Куза, 1981); 3 – Тазово 5 (по: Григорьев, 2000); 4 – Воробьевка 2-я (по: Гребенникова, Шпилев, 2009); 5 – Липино, группа 2, к. 1, погр. 2 (по: Енуков, 2008). 1, 2, 4, 5 – серебро; 3 – бронза.

Fig. 3. Thick wire bracelets with cut off flared ends. 1, 2 – after Kuza, 1981; 3 – after Grigoryev, 2000; 4 – after Grebennikova, Shpilev, 2009; 5 – after Enukov, 2008

В роменское время практика ношения таких браслетов, зачастую – серебряных⁴, заняла в этой категории украшений ведущее место при редких отклонениях (Никольская, 1958. Рис. 19, 3; Сухобоков, 1975. С. 120; Григорьев, 2000. С. 135; 2005. С. 95, 97). Особенно показателен факт присутствия подавляющего большинства дротовых браслетов с расширяющимися концами в комплексах (клады, Горналь), в которых исключения из этого “правила” единичны. В кладах X в. к их числу относится браслет из треугольного дрота с завязанными концами из Шпилевки, к которому мы еще вернемся, а также два изделия из Хорошевского клада, изготовленные из круглого дрота с уплощенными скругленными концами (Гоглов и др., 2023. С. 15. Рис. 1), идентичные салтовским типа 2

вида 2 по классификации С.А. Плетневой (1989. С. 115. Рис. 60).

Из предпринятого экскурса следует вывод об инородности для роменской среды браслетов Коробкино 3–7, которая еще отчетливее проступает в двух других находках клада, объединенных общим признаком в виде завязанных концов (рис. 1, 1, 2, 2а, 2б). Выделяется два типа таких соединений: первый – простой, когда концы заводились внахлест и закручивались один вокруг другого, второй – более сложный: петли концов продевались друг в друга, перекручивались по спирали, образуя плоский декоративный щиток, после чего каждый конец обвивался вокруг противоположного.

Браслет Коробкино 2 с соединением первого типа (рис. 1, 2, 2а, 2б) обладал заметным своеобразием, что выразилось в одинаковом, до узла, сечении дрота, но в еще большей степени – в оформлении пуансонным орнаментом. В роменском ареале единственный пример

⁴ Определение материала как “серебра” обладает условностью, так как для большинства украшений анализы не проводились. Тем не менее они обычно имеют хорошую сохранность, что позволяет предположить как минимум высокую долю Ag в составе сырья.

аналогичного по технике декора присутствовал только на двух украшениях из Хорошевского клада, на одном из которых были нанесены концентрические “колечки”, на втором — треугольники с точкой в основании. Ю.А. Лесман подтвердил вывод Г.Ф. Корзухиной о распространении такого приема орнаментации на древнерусских изделиях лишь в XI в., хотя отмечал, что скандинавские вещи с аналогичным декором появляются в Восточной Европе еще в IX в. В целом такой декор характерен для изделий эпохи викингов, причем треугольники с точками особенно показательны (Лесман, 2014. С. 48). Хорошевские украшения вряд ли можно напрямую связывать с Северной Европой ввиду роменской морфологии. Их стоит расценивать как один из наиболее ранних примеров усвоения славянами восточноевропейской лесостепи северных мотивов⁵.

Дротовому браслету типа Коробкино 2 прямые аналогии отсутствуют. На роменской территории в качестве отдаленной параллели можно указать серебряный браслет из Шпилевского клада с младшей монетой 966/967 г. В отличие от коробкинского изделия он был выполнен из 3-гранного дрота, сужающиеся концы которого имели соединение второго типа (Корзухина, 1954. С. 86. Табл. IX, 1). Браслет из проволоки 4-гранного сечения с простым соединением был найден во владимирских курганах (Спицын, 1905. Рис. 307). В денежно-вещевом кладе 2001 г. из Гнездово с младшей монетой 953/954 г. присутствовали два таких же серебряных браслета (Авдусина, 2014. Рис. 2, 3, 4). Однако у всех перечисленных находок дрот постепенно сужался по направлению к концам, что отличает их от изделия Коробкино 2, где сужение резкое, со “ступенькой”. Морфологически близкие ему украшения были обнаружены в Ярославском Поволжье, в частности, в Тимерево (Фехнер, Недошивина, 1987. Рис. 7, 2), и в одном из древнерусских курганов XI в. около д. Киучер (Комаров, 1988. Рис. 6, 6). Однако подчеркнут:

⁵ Для роменских браслетов, как отмечалось, декор не характерен. Помимо хорошевских орнамент в виде слабых насечек “елочкой” присутствовал на трех изделиях из Железницкого клада, однако здесь, похоже, отражается связь с древностями предшествовавшего времени, где морфологически близкие браслеты нередко декорировались. Похожий орнамент имелся и на обломке браслета с Животинного городища (Винников, 2010. С. 235. Рис. 1, 2)

на всех перечисленных украшениях отсутствовал декор.

В целом в Восточной Европе завязанные браслеты из граненного дрота редки в отличие от витых типа Коробкино 1 (рис. 1, 1), который, однако, на роменской территории представляет собой единственную находку. Практически идентичный браслет присутствовал в комплексе из Б. Хайчи (Корзухина, 1954. С. 91. № 31. Табл. XI, 1). Близок браслет из Черкасской области (Украина), но он имеет соединение второго типа (Андрощук, Зоценко, 2012. № 76. С. 118). Витой браслет с аналогичным соединением, но без сканной нити, известен во владимирских курганах (Спицын, 1905. Рис. 242). Украшение типа Коробкино 1 входило в состав клада близ Новгорода в ур. Собацьи Горбы с двумя младшими западноевропейскими монетами 1038–1075 гг. (Отчет..., 1909. С. 117, 118. Рис. 159; Корзухина, 1954. № 55. С. 101, 102). Витые браслеты этого времени известны в древнерусских могильниках Прионежья, причем наряду с формами, идентичными описанным (Никольское III, курган 9, впускное погр. 1 с западноевропейской монетой 1027–1054 гг.), отмечены изделия, выполненные из проволоки одинаковой толщины с небрежными узлами (Макаров, 1990. С. 150, 151. Табл. XIII, 15, 22; XIV; XVII, 1), что можно расценивать как грубое подражание исходным образцам. Похожая картина наблюдается в древнерусских курганах XI в. у д. Киучер на Ярославщине: наряду с серебряным украшением, аналогичным Коробкино 1, найдены витые из двух бронзовых проволок одного диаметра изделия, завязанные концы которых были не прокованы, а в одном случае — небрежно завязаны (Комаров, 1988. Рис. 6, 1, 2, 4).

Чаще всего такие украшения изготавливались из серебра, однако некоторые выполнены из золота, что явно подчеркивало высокий статус их владельцев, относящихся, видимо, к верхушке дружинной среды (Мельникова, 2014; Кулешов, 2017). Так, два изделия типа Коробкино 1, но без сканной нити, присутствовали в кладе из Киева 1913 г. Денежная часть этого комплекса состояла из почти трех тысяч дирхемов с младшим, отчеканенным до 905/906 г. (Корзухина, 1954. С. 83. Табл. V; Комар, 2012. С. 320. Рис. 12). В Киевском кладе 1851 г. было два идентичных

украшения с “деформированными” концами, которые, по предположению Г.Ф. Корзухиной, изначально были завязаны⁶. Как и в предыдущем случае, многочисленной была нумизматическая часть комплекса: несколько тысяч дирхемов с позднейшей монетой 905/906 г. (Корзухина, 1954. С. 83. № 12. Рис. 12). Золотой витой из двух проволок со сканной нитью браслет присутствовал в Киевском кладе 1899 г. Концы витого браслета обломаны, но, по мнению Г.Ф. Корзухиной, они также были завязаны. Из 20 монет все 16 сохранившихся были золотыми с двумя младшими византийскими солидами Исаака I Комнина 1057–1059 гг. (Корзухина, 1954. С. 90. № 29. Табл. X, 1–3; Кулешов, 2012б. С. 211).

В литературе имеются следующие трактовки происхождения завязанноконечных браслетов. Ф.А. Андрощук и В.Н. Зоценко относят их к числу типичных скандинавских изделий (Андрощук, Зоценко, 2012. Рис. 6, 8, 9). Это важное по своим целям исследование получило критические замечания, в числе которых — условность термина “скандинавский”, что является следствием нерешенной проблемы соотношения “оригинал–копия–подражание” (Комар, Хамайко, 2014. С. 189). Ю.М. Лесман при выделении скандинавских компонентов в формирующейся древнерусской культуре предложил более взвешенный подход. Исследователь ставил во главу угла не предметы импорта или изделия, изготовленные на месте по их образу и подобию, а явления, вошедшие в новую этнокультурную среду. К числу таковых отнесены дрововые и витые браслеты с утончающимися завязанными концами диаметром 5–10 см. В Скандинавии завязанноконечные изделия становятся чрезвычайно многочисленными в IX–X вв., получив в X в. распространение в Восточной Европе через местное изготовление (Лесман, 2014. С. 50–52, 59, 60).

⁶ Предположения Г.Ф. Корзухиной выглядят логично. При таком соединении разрушение концов завязанных браслетов вполне объяснимо: нередко браслеты имеют сравнительно небольшой диаметр, и при попытке их снять с руки, например при увеличении ее полноты, концы легко могли обломаться. Вероятность этого демонстрирует 4-гранный браслет из Копиевки, у которого большая часть одного конца обломана, а второй сохранился в “развитом” виде (Линка-Геппенер, 1948. Рис. Табл. III, 3).

Данные нумизматики позволяют получить некоторые хронологические реперы появления завязанноконечных браслетов на территории Южной Руси. Самые ранние с находками такого рода — два комплекса из Киева. Ввиду значительного количества фрагментированных монет и подражаний Г.Ф. Корзухина предположила, что клад из Киева 1851 г. был сокрыт во второй половине X в., а Киевский клад 1913 г. она поместила в группу II, датированную второй половиной X — рубежом X/XI в. (Корзухина, 1954. С. 83). М.К. Каргер отнес сокрытие первого из комплексов ко времени “не ранее первой четверти X в.”, второго — к середине X в. (Каргер, 1958. С. 118–122). Анализ состава депозитов привел В.С. Кулешова к выводу о выпадении обоих кладов около 907–908 гг. (Кулешов, 2012а. С. 171, 172, 174–177, 184). Соответственно, появление этих украшений на юге Руси произошло не позднее.

Важное место в Коробкинском комплексе занимает золотая монета (рис. 2, 1)⁷. На аверсе солидов этого типа справа в полный рост изображен Христос в хитоне и гиматии. Правой рукой он коронует Романа I, в левой держит Евангелие. Роман I в лоросе держит крест на глобусе в правой руке, левую протягивает к Христу. Надписи по краю: “Господи, помоги Роману деспоту”. На реверсе — бюсты лицом в анфас коронованных Константина VII в лоросе и Христофора в хламиде, между ними — патриарший крест, который они держат в руках. По краю надпись: “Константин и Христофор”.

В.В. Кропоткин в своде “Кладов византийских монет...” повторил приведенную Г.Ф. Корзухиной атрибуцию (Кропоткин, 1962. С. 25. № 52), позднее уточнив место и время чеканки: Константинополь, около 927 г. (Кропоткин, 1965. С. 169. № 14). В основу этого определения положена классификация В. Рота, по которой

⁷ Из работ В.В. Кропоткина следует, что в 1960-х годах все предметы клада из Коробкино хранились единым комплексом. В настоящее время монета находится в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. При работе с кладом у автора отсутствовала возможность ознакомиться с ней, однако ссылка В.В. Кропоткина на свод В. Рота, которая приводится ниже, дает точную типологическую атрибуцию артефакта. В настоящее время исследователями из Санкт-Петербурга готовится сводная публикация византийских монет. В представленной статье приводится изображение реверса солида по фото из архивного дела (Археологическая комиссия, 1915. Л. 11).

монета из Коробкино относится к типу II периодов III и IV константинопольского чекана солидов (рис. 2, 2). Солиды бывших одновременно византийскими императорами Константина VII, Романа I и Христофора выпускались в 921–931 гг. В. Рот предложил их как относительную, так и абсолютную хронологию. В частности, на монетах типа I Христофор был безбородый, тогда как на типе II — уже с бородой, при этом на типе III имя Христофора предшествовало имени Константина VII, а на типе II стояло после него. Такая ситуация, по мнению исследователя, могла сложиться в 927 г., что и определило время чеканки солидов типа II. Однако исследователь признавал гипотетичность своих выводов, что отражено в сопровождающих датировки знаках “?” (Wroth, 1908. P. 459, 460. Pl. LIII, 2).

В своде И.И. Толстого солиды Константина VII, Романа I и Христофора отнесены суммарно к 921–931 гг. (Толстой, 1990. С. 36, 37). В дальнейшем предпринимались попытки установить последовательность выпусков указанного периода (Goodacre, 1935; Bellinger 1967), однако Ф. Грирсон предположил, что на основании “протокола” (порядок имен в надписях, наличие бороды, тип одеяний, положение рук на патриаршем кресте и т.д.) это зачастую затруднительно. Тем не менее солиды типа Коробкино отнесены к редкому классу VI (рис. 2, 3), который чеканился, по мнению исследователя, только в 921 г. (Grierson, 1982. Pl. 43, 782; 1993. P. 529, 530, 532–534. Pl. XXXVI, 6.1). Ф. Фюэг значительно расширил базу данных золотых монет Византии, что в итоге позволило вкуче с анализом иконографии и штемпелей получить хронологию эмиссий. Его серия 6, соответствующая классу VI Ф. Грирсона, датирована 923–924 гг. (Füeg, 2007. P. 35, 36, 83, 326, 327).

Всего на славяно-русских землях в X–XI вв. известно около 50 золотых монет из Византии (Ениосова, 2007. С. 307), причем значительная их часть происходит из Среднего Поднепровья (Зоценко, 1991. С. 66, 75, 76). Повышенная концентрация солидов наблюдается в социально-экономических и политических центрах Руси — Киеве (20 монет) и Гнездово⁸ (3 монеты,

дополненные 3 подражаниями) (Шевцов, 2017. С. 286, 290). Нельзя, правда, не отметить недавно введенный в научный оборот клад из д. Охово (Беларусь, Брестская обл.) из девяти золотых монет (восемь византийских и одна — Владимира) самого конца X — начала XI в. (Зайцев, Митяева, 2016), который, впрочем, не выходит за северную границу (примерно по параллели Полоцка) территории с большинством находок подобных артефактов (Ениосова, 2007. С. 314). В границах обширного роменского ареала они представлены единственной монетой из Коробкино⁹. Отмечу также, что иные находки солидов серии 6, имеющие географические реквизиты, на славяно-русских землях неизвестны.

В историографии оценка роли золотых монет колебалась от признания их использования в денежном обращении до его полного или почти полного отрицания. В последние десятилетия стала преобладать последняя точка зрения, по которой они поступали на восточнославянские земли как вынужденные платежи и служили средствами накопления богатств, сырья для ювелирных изделий, хотя могли использоваться как украшения или предметы личного благочестия (Гурулева, 2002. С. 35; 2017. С. 310, 311, 316; Шевцов, 2017. С. 298). В связи с этим обратимся к вопросу о сущности подрезки монеты из Коробкино, так как похожий прием появляется у роменского населения Днепровского Левобережья в 920-х годах. Если изначально у дирхемов срезались только их края, то в дальнейшем из монет начали изготавливать круглые вырезки, размеры которых постепенно уменьшались. “Кругляшки” послужили основой для ориентированной на поштучный прием денежной системы северян, которая вскоре локализовалась в границах “Посемья” (Енуков, 2023. С. 86, 87. Рис. 2), где и был найден Коробкинский клад.

В Восточной Европе впервые подрезка византийских солидов и исламских дирхемов отмечается, по свидетельству В.С. Кулешова, в городах Северного Причерноморья и известна в отдельных кладах начала IX в. (Kuleshov, 2017), среди которых самый ранний, похоже, Славянский. При его анализе сформулирована убедительная

⁸ Есть основания полагать, что с середины X в. Гнездово вошло в сферу влияния Киева (Щавелев, Фетисов, 2023. С. 17–19).

⁹ Великоселецкий клад (Украина, Полтавская губ.) с солидами (Корзухина, 1954. С. 93. № 38) относится к после-роменскому времени.

версия о причинах обрезки, которая сводилась к краже драгоценного металла в процессе обращения (Гурулева и др., 2011. С. 140, 141). В X–XI вв. обрезка или “опиливание” получила распространение на Таманском полуострове, причем ей подвергались не только серебряные, но и медные монеты (Дуткинский, 2016. С. 54, 63, 74, 80, 81, 84, сл.). Попытка объяснить цель подрезки на Тамани, тем более — медных монет, находится вне нашей темы. Отмечу только заметные различия в артефактах двух регионов. “Тмутараканская” обрезка захватывала края монетного поля, тогда как в “северянском” варианте из дирхема со временем изготовлялось несколько “кругляшков”. Кроме того, во втором случае, в отличие от “таманского” варианта, фиксируются метрологические закономерности, в которые, в свою очередь, не может быть “вписан” коробкинский солид. Судя по всему, его подрезка имела те же причины, что и в Славянском кладе, что подтверждается заметно более поздним комплексом из Охово, две монеты которого были также немного подрезаны (Зайцев, Митяева, 2016. С. 126).

Состав Коробкинского клада обладает спецификой: его вещевая часть представлена только браслетами. Особое внимание привлекают изделия 3–7, которые имеют очень близкий облик: их изготовление отличается тщательностью, грани хорошо отполированы, их стыки образуют аккуратные, ровные ребра. Оригинальность набора только подчеркивается двумя 8-гранными браслетами, аналогии которым не выявлены. Вполне вероятно, эта часть клада была сформирована единовременно и, не исключено, представлена продукцией одной мастерской. Два завязанноконечных браслета отличаются по морфологии и технологии, однако не нарушают принадлежности к той же категории украшений и изготовлены из аналогичного по качеству сырья. В целом состав клада не соответствует представлениям о длительном накоплении, хотя теоретически можно предположить два этапа его формирования.

Обратимся к хронологии клада. Г.Ф. Корзухина включила Коробкино в группу II, датированную в рамках второй половины X — рубежа X/XI в. (Корзухина, 1954. С. 86). Н.В. Жилина считает самым поздним украшением комплекса браслет 1, сближая его по дате с номисмой

(921–944 гг. по Г.Ф. Корзухиной), что позволило отнести изделие ко второй половине X в. (Жилина, 2014. С. 204). Браслеты 3–7 составляют основу Коробкинского клада. Самая поздняя находка подобного типа известна в кладе из Б. Хайчи, который Г.Ф. Корзухина включила в группу III с общей хронологией XI–начало XII в. (Корзухина, 1954. С. 91). Исследование Н.В. Жилиной позволяют ее сузить: гривны плетеная полая (вторая половина X — начало XI в.) с замком на два крючка и полая трубчатая со щитком на одном конце и крючком на откидном втором конце (первая половина XI в.) дают возможность ограничиться началом XI в. (Жилина, 2014. С. 26, 168, 218. Рис. 10; 28; 114, 21, 22), что сближает комплекс с хронологией погребения из Плиснеска. Судя по всему, в XI столетии эти украшения уже выходят из моды. Выше уже отмечалась их общая малочисленность, которая только подчеркивается их чаще всего единичным присутствием в комплексах (четыре случая). На этом фоне выделяются два клада, значительно удаленные друг от друга: Звеничев на Левобережье Днепра (4 экз.) и Копиевка — на Правобережье (2 экз. + 2 “слегка граненных”). На вероятную неслучайность повышенной “концентрации” украшений указывает их практически синхронные нумизматические даты: 951/952 и 955/956 гг. соответственно. Логично предположить, что к этому “пику” распространения украшений примыкал и Коробкинский клад, в который входило их максимальное количество (5 экз.). Учитывая скорректированную дату номисмы, нельзя исключать возможности того, что он был самым ранним в этой “группе”. Если принять эти наблюдения, то выпадение Коробкинского клада следует отнести к периоду в пределах второй–третьей четвертей X в.

В это время в “Посемье” начинают поступать предметы русского массового импорта (круговая керамика, шиферные пряслица, ножи из 3-слойного пакета), что, вероятно, было связано с увеличивающимся потоком арабских товаров, в первую очередь дирхемов, которые шли через регион на Русь с центром в Киеве (Енуков, 2022. Р. 211, 212). Коробкинский клад ввиду “монументальности” его вещевого состава вкупе с золотой монетой не стоит включать непосредственно в процесс этого товарообмена, хотя его русское происхождение выглядит очевидным.

Значимые для такого вывода украшения — браслеты 1 и 2, которые отражают североевропейское влияние на ювелирное дело формирующегося древнерусского населения. Браслеты 3–7 практически не известны у роменского населения и в подавляющем большинстве зафиксированы в ареале древнерусской культуры. Свидетельство южных контактов ее носителей — солид. Стоит отметить, что поступление запрещенных к вывозу из Византии золотых монет было связано, главным образом, с деятельностью военно-политической и дипломатической элиты Руси.

Гендерную принадлежность комплекса из Коробкино можно определить как “женскую” или “предназначенного для женщины”, на что указывает малый диаметр браслетов¹⁰. Рассмотренный клад — материальное свидетельство не торговых или каких-либо иных многоступенчатых операций, а непосредственных контактов между представителями населения Руси и Северной земли. Его владельца (или владелицу?) можно охарактеризовать как зажиточного человека, вероятно, связанного с дружинным слоем общества. Иные следы столь отчетливого, сконцентрированного в одном комплексе, «русского присутствия» в среде селян пока неизвестны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусина С.А. Гнездовский клад 2001 г. // Славяне и иные языки...: к юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Отв. ред. Н.И. Асташова. М.: Гос. ист. музей, 2014 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 198). С. 98–115.
- ¹⁰ Женскую атрибуцию браслетов подтвердили эксперименты с муляжом, а также копиями завязанноконечного и дротового браслетов. Оказалось, что узел без специального разогрева невозможно развязать, не разрушив его. В свою очередь, муляж с наибольшим внутренним диаметром, как у изделия Коробкино 1, нельзя было надеть на мужскую руку, тогда как женщинам он в основном подошел. Копия дротового украшения с несомкнутыми концами и одним ребром (имитация изделия из салтовского Дмитриевского могильника) обладала жесткостью и при требовавшемся значительном усилии, направленном на разгибание, могла быть повреждена. Пять дротовых браслетов из Коробкино имели не менее четырех ребер (стыки граней). Судя по всему, разгибали эти украшения только в случае крайней необходимости. Эксперименты с муляжом проведены автором, с моделями — членами клуба реконструкторов “Русь” (Курчатов).
- Андрушук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: каталог. Paris: АСНСВyz, 2012. 367 с.
- Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1 / Авт.-сост. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 1998. 304 с.
- Археологическая комиссия // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. (АК). 1915. № 181. 11 л.
- Винников А.З. Ювелирные изделия со славянского Животинного городища Боршевской культуры на р. Воронеж // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. С. 236–246.
- Гоголов С.А., Шапошник В.Г., Овсянников О.В. Монетно-вещевой клад X в. с подражаниями куфическим дирхемам из Харьковской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 12. М.: ЭмБиАй, 2023. С. 11–23.
- Гребенникова И.В., Шпилев А.Г. Денежно-вещевой клад третьей четверти X в. из с. 2-я Воробьевка Курской области // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 34–44.
- Григорьев А.В. Северская земля в VIII — нач. XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000 (Тр. Тульской археолог. экспедиции; вып. 2). 263 с.
- Григорьев А.В. Славянское население водораздела Дона и Оки в конце I — начале II тыс. н.э. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2005. 207 с.
- Гурулева В.В. Золотая византийская монета X в., найденная в Пскове // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков): тез. докл. и сообщ. М.: Гос. ист. музей, 2002. С. 34, 35.
- Гурулева В.В. Византийские золотые монеты из кладовых комплексов в коллекции отдела нумизматики Государственного Эрмитажа // Материалы и исследования отдела нумизматики. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017 (Тр. Гос. Эрмитажа; т. 87). С. 300–320.
- Гурулева В.В., Кулешов В.С., Юрченко Т.В. Монеты из Славянского (Анастасьевского) клада // Нумизматика и эпиграфика. Т. XVIII. М.: Памятники исторической мысли, 2011. С. 136–185.
- Дуткинский Н.Е. Денежное дело Тмутаракани: Сводный каталог и начало исследования. Елец: Типография, 2016. 406 с.
- Енисосова Н.В. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: ист.-археол. сб.: материалы междунар. науч. конф., 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 307–315.

- Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005 (Курский край; т. III.). 352 с.
- Енуков В.В. Липинские курганы в контексте вопроса о “роменских ингумациях” // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: материалы конф., посвящ. 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск: Курский гос. ун-т, 2008. С. 39–69.
- Енуков В.В. Круглые вырезки из дирхемов в денежном обращении X в.: историко-археологический антураж // Краткие сообщения Института археологии. 2023. Вып. 270. С. 84–98.
- Еремеев И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015 (Тр. Ин-та истории материал. культуры РАН; т. XLIV). 696 с.
- Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений / Отв. ред. Вл.В. Седов. М.: ИА РАН, 2014. 392 с.
- Зайцев В.В., Митяева А.В. Комплекс золотых монет конца X в. с древнерусским златником (предварительное сообщение) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2016 года: материалы докл. и сообщ. М.: Гос. ист. музей, 2016. С. 124–131.
- Зоценко В.Н. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византистов). Киев: Наукова думка, 1991. С. 57–79.
- Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 579 с., 55 л. ил.
- Кежа Ю.Н. Полоцкий клад 1984 г.: к вопросу о социальных отношениях раннего Средневековья [Электронный ресурс] // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: электронны зборнік навуковых артыкулаў IV міжнароднай канферэнцыі да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (Полацк, 19–20 красавіка 2018 г.). Наваполацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2018. С. 409–418. URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/23080> (дата обращения: 18.06.2023).
- Коваленко В.П., Фомін О.В., Шекун О.В. Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60–72.
- Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 300–334.
- Комар А.В., Хамайко Н.В. Рец. на кн.: Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог // Археологія та давня історія України. 2014. Вип. 1 (12). С. 188–197.
- Комаров К.И. Курганный могильник “Грачки” у д. Киучер // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники: методические материалы к “Своду памятников истории и культуры РСФСР” / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1988. С. 72–90.
- Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 154 с.
- Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е4-4). 64 с.
- Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // Византийский временник. Т. XXVI. М.: Наука, 1965. С. 166–189.
- Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города. М.: Наука, 1981 (Археология СССР). С. 6–39.
- Кулешов В.С. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Первые каменные храмы Древней Руси: материалы архитектурно-археолог. семинара 22–24 ноября 2010 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012а (Тр. Гос. Эрмитажа; т. 65). С. 162–184.
- Кулешов В.С. Манкус Барселонского графства XI в. из Киевского клада 1899 г. // Первые каменные храмы Древней Руси: материалы архитектурно-археолог. семинара 22–24 ноября 2010 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012б (Тр. Гос. Эрмитажа; т. 65). С. 211–217.
- Кулешов В.С. Золотые браслеты русов IX–XI вв.: тексты, вещи, функции // В камне и бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 253–258.
- Лесман Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. 2014. № 5. С. 43–87.
- Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 486–492.
- Лінка-Геппенер Н. Копіївський скарб // Археологія. 1948. № II. С. 182–191.
- Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Полтава, 1908. С. 201–212.
- Макаров Н.А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Макарова Т.И. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян XI столетия // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2005. С. 126–131.

- Мельникова Е.А. “Обручья” некрещенной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и “кольца клятвы” древнескандинавской правовой традиции // Средние века. Вып. 75 (3–4). М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 176–192.
- Мілюцін У.М. Полацкі рэчавы скарб // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мінск, 1993. С. 511.
- Никольская Т.Н. Шуклинское городище // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1958. Вып. 72. С. 66–77.
- Отчет археологической комиссии за 1906 г. СПб., 1909. 171 с.
- Отчет археологической комиссии за 1913–1915 годы. Пг., 1918. 295 с.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 285 с.
- Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. 1953. № 17. С. 23–104.
- Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 85–172.
- Стародубцев Г.Ю., Лебедев В.П. Клад украшений и монисто со знаками Рюриковичей из Курской области: предварительное сообщение // II Международная нумизматическая конференция “Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.”. СПб.: Знакъ, 2015. С. 26–35.
- Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 168 с.
- Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. 10. Барнаул: День, 1990. 176 с.
- Фасмер Р.Р. Два клада куфических монет. Л.: Изд-во Гос. академии истории материальной культуры, 1927 (Тр. нумизмат. комис.; т. VI). 57 с.
- Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология. 1987. № 2. С. 70–89.
- Шевцов А.О. Пути поступления византийских серебряных монет на территорию Древней Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания (2016 г.). М.; Псков: ИА РАН, 2017. С. 296–308.
- Шавелев А.С., Фетисов А.А. Элита Сюрнесгарда: к вопросу о социальной стратификации населения Гнездовского археологического комплекса X – начала XI в. // Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 9–25.
- Bellinger A.R. Byzantine Notes // American Numismatic Society. Museum Notes. 1967. № 13. P. 123–166.
- Enukov V. Cultural and economic links of the Romny culture in the Selym area // A Viking Century: Chernihiv area from 900 to 1000 AD / Ed. S. Stepanenko. Paris: ACHCByz, 2022. P. 199–226.
- Füeg F. Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople, 713–976. Structure of the Issues. Corpus of Coin Finds. Contributions to the Iconographic and Monetary History. Lancaster; London, 2007. 196 p. + CD-ROM.
- Goodacre H. The story of Constantine VII, Porphyrogenitus, from his solidi // Numismatic Chronicle. 1935. № XV. P. 114–119.
- Grierson Ph. Byzantine Coins. London: Methuen & Co, 1982. 411p.
- Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore collection. Vol. 3, part 2. Washington D.C., 1993. VIII p., p. 473–887, 41 pl.
- Kuleshov V. Rundklippta dirhamer i Östeuropa // Myntstudier. Mynttidskriften på Internet. 2017. 1 (december). S. 44–48.
- Wroth W.W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. 2. London: Order of the Trustees, 1908. P. 310–697, 41 pl.

TENTH-CENTURY HOARD FROM THE VILLAGE OF KOROBKINO IN KURSK PROVINCE

Vladimir V. Enukov

Kursk State University, Kursk, Russia

E-mail: vyenukov@gmail.com

In 1915, near the village of Korobkino, Kursk Province, a hoard of seven silver bracelets and a solid dating from 923–924 was found. The article determines its place in the historical and cultural context of both the region and Eastern Europe as a whole. It has been established that these decorations are not characteristic of the Romny antiquities. It is evident from the design of bracelets with tied ends and the use of thick wire, polyhedral in section. Gold coins were found mainly on the territory of Rus. The solid from

Korobkino is the only find in the vast area of the Romny archaeological culture, which fact emphasizes the peculiarity of the complex. The author suggests dating the hoard within the second–third quarters of the 10th century AD. In general, its composition demonstrates the synthesis of northern (Scandinavia) and southern (Byzantium) contacts of the population of the emerging Rus culture. The owner of the hoard was related to the *druzhina* (prince's retinue) layer of society. No other traces of such a distinct “Russian presence” concentrated in one complex have been found in the Severian land so far.

Keywords: Rus, Severians, the Romny culture, early culture of Rus, bracelets, solid.

REFERENCES

- Androshchuk F., Zotsenko V., 2012. Skandinavskie drevnosti Yuzhnoy Rusi: katalog [Scandinavian antiquities of Southern Rus: catalogue]. Paris: ACHCByz. 367 p.
- Arkheologicheskaya karta Rossii. Kurskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Kursk Region], 1. A.V. Kashkin, comp. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 1998. 304 p.
- Arkheologicheskaya komissiya [Archaeological Commission]. *Arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], F. 1, (AK), 1915, № 181. 11 l.
- Avdusina S.A., 2014. The Gnezdovo hoard of 2001. *Slavyane i inye yazytsi...: k yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi* [Slavs and other languages...: to the anniversary of Natalya Germanovna Nedoshivina]. N.I. Astashova, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 98–115. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 198). (In Russ.)
- Bellinger A.R., 1967. Byzantine Notes. *American Numismatic Society. Museum Notes*, 13, pp. 123–166.
- Dutinskiy N.E., 2016. Denezhnoe delo Tmutarakani: Svodnyy katalog i nachalo issledovaniya [Coinage of Tmutarakan: Joint catalogue and the beginning of the study]. *Elets: Tipografiya*. 406 p.
- Eniosova N.V., 2007. Viking gold on the territory of Old Rus. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: K 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskii sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2005 g.)* [At the origins of Russian statehood: To the 30th anniversary of the archaeological study of Novgorod Ryurikovo Gorodishche and Novgorod regional archaeological expedition: Historical and archaeological collected papers: Proceedings of the International scientific conference (2005)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 307–315. (In Russ.)
- Enukov V., 2022. Cultural and economic links of the Romny culture in the Seym area. *A Viking Century: Chernihiv area from 900 to 1000 AD*. S. Stepanenko, ed. Paris: ACHCByz, pp. 199–226.
- Enukov V.V., 2005. *Slavyane do Ryurikovichy* [Slavs before Rurikids]. Kursk: Uchitel'. 352 p. (Kurskiy kray, III).
- Enukov V.V., 2008. Lipino mounds in the context of the “Romny burials”. *Slavyano-russkie drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya: materialy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya K.F. Sokola* [Slavic-Rus antiquities of the Dnieper Left Bank: Proceedings of the Conference to the 75th anniversary of K.F. Sokol]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 39–69. (In Russ.)
- Enukov V.V., 2023. Round cutouts from dirhams in circulation in the 10th century AD: historical and archaeological entourage. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 270, pp. 84–98. (In Russ.)
- Eremeev I.I., 2015. Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-baltiyskogo regiona (ocherki srednevekovoy arkheologii i istorii Pskovsko-Belorusskogo Podvin'ya) [Antiquities of the Polotsk land in the historical study of the East Baltic region (studies in medieval archaeology and history of Pskov-Belarusian Dvina River region)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 696 p. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, XLIV).
- Fasmer R.R., 1927. Dva klada kuficheskikh monet [Two hoards of Kufic coins]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. 57 p. (Trudy numizmaticheskoy komissii, VI).
- Fekhner M.V., Nedoshivina N.G., 1987. Ethnocultural characteristics of the Timeryovo burial ground based on materials from burial goods. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 70–89. (In Russ.)
- Füeg F., 2007. Corpus of the Nomismata from Anastasius II to John I in Constantinople, 713–976. Structure of the Issues. Corpus of Coin Finds. Contributions to the Iconographic and Monetary History. Lancaster; London. 196 p. + CD-ROM.
- Goglov S.A., Shaposhnik V.G., Ovsyannikov O.V., 2023. Coin and artifact hoard of the 10th century with imitations of Kufic dirhams from the Kharkov region. *Rus, Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki* [Rus, Lithuania, Horde in the numismatics and sphragistics monuments], 12. Moscow: EmBiAy, pp. 11–23. (In Russ.)
- Goodacre H., 1935. The story of Constantine VII, Porphyrogenitus, from his solidi. *Numismatic Chronicle*, XV, pp. 114–119.

- Grebennikova I.V., Shpilev A.G., 2009. Money and artefact hoard of the third quarter of the 10th century AD from the village Vorobyovka 2, Kursk Region. *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya [Upper Don region: Archaeology. History]*. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 34–44. (In Russ.)
- Grierson Ph., 1982. *Byzantine Coins*. London: Methuen & Co. 411p.
- Grierson Ph., 1993. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore collection, vol. 3, part 2. Washington D.C. VIII p., pp. 473–887, 41 pl.
- Grigor'ev A.V., 2000. Severskaya zemlya v VIII – nach. XI veka po arkheologicheskim dannym [Severian land in the 8th – early 11th century AD based on archaeological data]. Tula: Grif i K°. 263 p. (Trudy Tul'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 2).
- Grigor'ev A.V., 2005. Slavyanskoe naselenie vodorazdela Dona i Oki v kontse I – nachale II tys. n.e. [Slavic population of the Don and Oka watershed at the late 1st – early 2nd millennium AD]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole”. 207 p.
- Guruleva V.V., 2002. Gold Byzantine coin of the 10th century AD found in Pskov. *Desyataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Pskov): tezisy dokladov i soobshcheniy [Tenth All-Russian Numismatic Conference (Pskov): Abstracts of reports and communications]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 34, 35. (In Russ.)
- Guruleva V.V., 2017. Byzantine gold coins from hoard complexes in the collection of the Numismatics Department of the State Hermitage Museum. *Materialy i issledovaniya otdela numizmatiki [Materials and research of the Numismatics Department]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 300–320. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, 87). (In Russ.)
- Guruleva V.V., Kuleshov V.S., Yurchenko T.V., 2011. Coins from the Slavic (Anastasievka) hoard. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, XVIII. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 136–185. (In Russ.)
- Karger M.K., 1958. *Drevniy Kiev. Ocherki po istorii material'noy kul'tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev. Studies in the history of material culture of the Rus city]*, I. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 579 p., ill.
- Kezha Yu.N., 2018. The Polotsk hoard of 1984: on the social relations of the Early Middle Ages (Electronic resource). *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavykh i mizhdysyplinarnykh dasledavannyay: elektronny zbornik navukovykh artykulay IV mizhnarodnay konferentsyi da 50-goddzya Polatskaga dzyarzhaynaga y'niversiteta [Belarusian Dvina River region: Experience, methodology and results of field and interdisciplinary research: an electronic collection of articles of the 4th International conference to the 50th anniversary of Polotsk State University]*. Navapolatsk: Polatski dzyarzhayny y'niversitet, pp. 409–418. URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/23080>. (In Russ.)
- Komar A.V., 2012. Kiev and the Right Bank Dnieper region. *Rus v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries AD: archaeological panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 300–334. (In Russ.)
- Komar A.V., Khamayko N.V., 2014. Book review: Androshchuk F., Zotsenko V. *Scandinavian antiquities of Southern Rus. Catalog. Arkheologiya ta davnya istoriya Ukraini [Archaeology and early history of Ukraine]*, 1 (12), pp. 188–197. (In Russ.)
- Komarov K.I., 1988. The Grachki mound burial ground near the village of Kiucher. *Arkheologicheskie pamyatniki Evropeyskoy chasti RSFSR. Pogrebal'nye pamyatniki: metodicheskie materialy k «Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR» [Archaeological sites of the RSFSR European part. Funeral sites: Methodological materials for the “Register of historical and cultural monuments of the RSFSR”]*. V.V. Sedov, ed. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk SSSR, pp. 72–90. (In Russ.)
- Korzukhina G.F., 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. [Russian hoards of the 9th–13th centuries AD]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 154 p.
- Kovalenko V.P., Fomin O.V., Shekun O.V., 1992. Zvenichev of Rus and a hoard of Arab dirhems. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 60–72. (In Ukrainian).
- Kropotkin V.V., 1962. Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Byzantine coins on the territory of the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 64 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E4-4).
- Kropotkin V.V., 1965. New finds of Byzantine coins on the territory of the USSR. *Vizantiyskiy vremennik [BYZANTINA XPONIKA]*, XXVI. Moscow: Nauka, pp. 166–189. (In Russ.)
- Kuleshov V., 2017. Rundklippta dirhamer i Östeuropa. *Myntstudier. Mynttidskriften på Internet*, 1 (december), pp. 44–48.
- Kuleshov V.S., 2012a. Kiev hoards of the first half of the 10th century AD and numismatic chronology of the burial ground on Starokievskaya Mountain. *Pervye kamennye khramy Drevney Rusi: materialy arkhitekturno-arkheologicheskogo seminar (2010 g.) [The first stone churches of Rus: Proceedings of the architectural and archaeological seminar (2010)]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 162–184. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, 65). (In Russ.)
- Kuleshov V.S., 2012b. Mancuso of the County of Barcelona, 11th century AD from the Kiev hoard of 1899. *Pervye kamennye khramy Drevney Rusi: materialy arkhitekturno-arkheologicheskogo seminar (2010 g.) [The first stone churches of Rus: Proceedings of the architectural and archaeological seminar (2010)]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo

- Ermitazha, pp. 211–217. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, 65). (In Russ.)
- Kuleshov V.S., 2017. Golden bracelets of Rus of the 9th–11th centuries AD: texts, things, functions. *V kamne i bronze: sbornik statey v chest' Anny Peskovoy* [In stone and bronze: Collected articles in honor of Anna Peskova]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 253–258. (In Russ.)
- Kuza A.V., 1981. The large fortified settlement near the village of Gornal. *Drevnerusskie goroda* [Towns of Rus]. Moscow: Nauka, pp. 6–39. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Lesman Yu.M., 2014. Scandinavian component of the early Russian culture. *Stratum plus*, 5, pp. 43–87. (In Russ.)
- Linka-Geppener N., 1948. The Kopiev hoard. *Arkheologiya* [Archaeology], II, pp. 182–191. (In Ukrainian).
- Livokh R., 2010. Large mounds of the recorded Plesnesk. *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.F. Korzukhinoy (2006 g.)* [Slavic-Russian jewellery and its origins: Proceedings of the International scientific conference to the 100th anniversary of G.F. Korzukhina (2006)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 486–492. (In Russ.)
- Makarenko N., 1908. Materials on the archaeology of Poltava Province. *Trudy Poltavskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Poltava Scientific Archival Commission], 5. Poltava, pp. 201–212. (In Russ.)
- Makarov N.A., 1990. Naselenie russkogo Severa v XI–XIII vv.: Po materialam mogil'nikov vostochnogo Prionezh'ya [Population of the Russian North in the 9th–13th centuries AD: Based on materials from the burial grounds of the eastern Onega Lake region]. Moscow: Nauka. 216 p.
- Makarova T.I., 2005. The Zaraisk hoard and the problem of lineage in the jewellery of the Eastern Slavs of the 11th century AD. *Rus' v IX–XIV vv. Vzaimodeystvie Severa i Yuga* [Rus in the 9th–14th centuries AD. Interaction between North and South]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 126–131. (In Russ.)
- Mel'nikova E.A., 2014. “Bangles” of un-Christianized Rus in the Russian-Byzantine treaty of 944 and “oath rings” of the Old Scandinavian legal tradition. *Srednie veka* [Middle Ages], 75 (3–4). Moscow: Institut vseobshchey istorii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 176–192. (In Russ.)
- Milyutsin U.M., 1993. The Polotsk hoard of artefacts. *Arkheologiya i numizmatyka Belarusi: entsyklopedyya* [Archaeology and numismatics of Belarus: encyclopedia]. Minsk, p. 511. (In Belarusian).
- Nikol'skaya T.N., 1958. The Shuklinka fortified settlement. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 72, pp. 66–77. (In Russ.)
- Otchet arkheologicheskoy komissii za 1906 g. [Report of the Archaeological Commission for 1906]. St. Petersburg, 1909. 171 p.
- Otchet arkheologicheskoy komissii za 1913–1915 gody [Report of the Archaeological Commission for 1913–1915]. Petrograd, 1918. 295 p.
- Pletneva S.A., 1989. Na slavyano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskiy arkheologicheskiy kompleks [On the Slavic-Khazar borderland. The Dmitrievka archaeological complex]. Moscow: Nauka. 285 p.
- Rybakov B.A., 1953. The ancient Rus people. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 17, pp. 23–104. (In Russ.)
- Shchhavelev A.S., Fetisov A.A., 2023. Elite of Sürnesgård: on the social stratification of the population of the Gnezdovo archaeological complex in the 10th – early 11th century. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta (UrFU). Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 25, no. 2, pp. 9–25. (In Russ.)
- Shevtsov A.O., 2017. Ways of importing Byzantine silver coins to the territory of Rus. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Academician V.V. Sedov seminar], 32. *Materialy 62-go zasedaniya (2016 g.)* [Proceedings of the 62nd session (2016)]. Moscow; Pskov: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 296–308. (In Russ.)
- Spitsyn A.A., 1905. Vladimir mounds. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii* [News of the Archaeological Commission], 15. St. Petersburg, pp. 85–172. (In Russ.)
- Starodubtsev G.Yu., Lebedev V.P., 2015. A hoard of jewellery and beads with Rurikid signs from Kursk Region: a preliminary report. *II Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epokha vikingov v Vostochnoy Evrope v pamyatnikakh numizmatiki VIII–XI vv.»* [II International numismatic conference “The Viking Age in Eastern Europe in numismatic monuments of the 8th–11th centuries AD”]. St. Petersburg: Znak”, pp. 26–35. (In Russ.)
- Sukhobokov O.V., 1975. Slavyane Dneprovskogo Levoberezh'ya (romenskaya kul'tura i ee predshestvenniki) [Slavs of the Dnieper Left Bank (the Romni culture and its predecessors)]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
- Tolstoy I.I., 1990. Vizantiyskie monety [Byzantine coins], 10. Barnaul: Den'. 176 p.
- Vinnikov A.Z., 2010. Jewellery from the Slavic Zhivotinnoye fortified settlement of the Borshev culture on the Voronezh River. *Materialy po istorii i arkheologii Rossii* [Materials on the history and archaeology of Russia], 1. Ryazan': Aleksandriya, pp. 236–246. (In Russ.)
- Wroth W.W., 1908. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, 2. London: Order of the Trustees, pp. 310–697, 41 pl.
- Zaytsev V.V., Mityaeva A.V., 2016. Complex of gold coins of the late 10th century AD with a zlatnik coin of Rus

- (preliminary message). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2016 goda: materialy dokladov i soobshcheniy* [2016 numismatic readings of the State Historical Museum: Proceedings]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 124–131. (In Russ.)
- Zhilina N.V., 2014. Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniy [Rus hoards of the 9th–13th centuries AD. Classification, stylistics and chronology of ornaments]. Vl.V. Sedov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 392 p.
- Zotsenko V.N., 1991. Byzantine coins in the Middle Dnieper region. *Yuzhnaya Rus i Vizantiya: sbornik nauchnykh trudov (k XVIII kongressu vizantinistov)* [Southern Rus and Byzantium: Collected papers (for the 18th Congress of Byzantine studies)]. Kiev: Naukova dumka, pp. 57–79. (In Russ.)